

Институциональные процессы в исторической науке

СОЗДАНИЕ СЕТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В 1930–1932 ГГ.

О. В. Метель

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия. olgametel@yandex.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50040

Данная статья посвящена изучению процесса развертывания сети региональных отделений Общества историков-марксистов в 1930–1932 гг. Основными источниками для изучения указанного процесса стали планово-отчетные документы, протоколы заседаний и информационные сообщения о работе региональных отделений Общества. Было установлено, что в провинции отделения Общества историков-марксистов открывались как по инициативе местных историков, так и под давлением московских коллег; их членами становились преподаватели местных пединститутов, комвузов, совпартшкол, техникумов и рабфаков, требования к квалификации которых были невысоки; основной акцент в работе отделений был сделан на проведение массовых мероприятий (докладов, вечеров памяти, юбилейных и траурных мероприятий). Автор полагает, что для объяснения изученных процессов может быть использовано понятие мобилизационной политики, когда развертывание сети региональных отделений Общества историков-марксистов было призвано мобилизовать «бойцов исторического фронта» на решение актуальных задач – борьбу с «буржуазными» историками и «социал-фашистскими» теоретиками II Интернационала. Однако высказанная гипотеза нуждается в дальнейшем обосновании.

Ключевые слова: *Общество историков-марксистов, Коммунистическая академия, советская историография, провинциальная историография, советский марксизм, мобилизационная политика.*

В 1925 г. в Москве по инициативе группы преподавателей коммунистических университетов столицы было организовано Общество историков-марксистов, призванное, по замыслу своих создателей, «сгруппировать вокруг основного марксистского ядра ряд историков, которые тяготеют к марксизму» и превратиться в научно-исследовательский центр, разрешающий «ряд исторических проблем»¹. Ставшее структурной единицей Коммунистической академии – главного марксистско-ленинского научно-исследовательского центра страны – Общество первоначально действовало преимущественно в масштабах столицы, объединяя в 1927 г., т. е. через год после официального утверждения устава организации, 177 членов, 145 из которых работали в Москве². Провинциальные же историки, даже если они являлись официально избранными членами Общества, принимали скромное участие в его работе, довольствуясь индивидуальными консультациями с московскими коллегами. И если первоначально, как утверждали сами исследователи,

такая установка была оправдана тем, что нужно было создать «актив, обеспечивающий твердую идеологическую линию в работе О[бществ]а», то в дальнейшем она лишь тормозила его работу³. Именно поэтому уже в 1926 г. впервые был поставлен вопрос о существенном расширении географии представительства, а в последующие годы члены Общества неоднократно выступали с инициативой открытия широкой сети региональных отделений⁴. Одними из первых на этот призыв откликнулись историки-марксисты центральных областей РСФСР и некоторых союзных республик, с 1927 г. приступившие к организации самостоятельных кружков и отделений [Копыцкий, Чепко: 1986, С. 63–64]⁵. Однако серьезные перемены в этом отношении стали возможны только в 1929 гг., когда по решению I Всесоюзной конференции историков-марксистов Общество приобрело статус всесоюзной организации, от руководителей которой требовалось немедленно

³ АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. Л. 6.

⁴ Доклад общества историков-марксистов в президиуме Коммунистической академии // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 309–310.

⁵ Отделение Общества историков-марксистов в Центрально-черноземной области // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 283; Ростовский кружок историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 199–200.

¹ В Обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 317; Общее собрание членов общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 268.

² Общее собрание членов общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 272.

развернуть работу в провинции¹. Результаты подобных усилий не заставили себя долго ждать: в 1931 г. в состав Общества историков-марксистов входило около тридцати региональных отделений, открытых в Ленинграде, Казани, Воронеже, Свердловске, Ярославле, Новосибирске, Баку и других городах страны². Общее количество членов этих отделений составляло более 300 человек³. Для координации их деятельности был создан Всесоюзный совет Общества, располагавшийся в Москве и призванный утверждать планы работы провинциальных отделений и отчеты об их выполнении [Дорошенко: 1966, С. 19].

Несмотря на то что произошедшие изменения даже в количественном отношении являлись довольно значительными и, на наш взгляд, требующими специального изучения, в отечественной историографии им уделялось сравнительно мало внимания. Большинство работ, реконструирующих основные этапы эволюции Общества историков-марксистов, лишь фиксировали изменение его организационной структуры, не подвергая детальному анализу ни процесс открытия региональных отделений, ни их последующую деятельность и ее значение как для самого Общества, так и для советской исторической науки в целом [Дорошенко: 1966, С. 19; Гришаев: 2011, С. 31]. В рамках настоящей статьи мы, напротив, обратимся к данному сюжету, поставив перед собой задачу рассмотреть основные особенности работы региональных отделений Общества историков-марксистов в краткий период их деятельности (1930–1932 гг.). Для этого мы воспользуемся планово-отчетными документами данных центров, хранящимися в фонде № 377 Архива Российской академии наук, а также краткими сообщениями об их работе, опубликованными в журнале «Историк-марксист». Информация, представленная в названных текстах, хотя и будет лишена некоторых нюансов, позволит определить базовые характеристики и особенности работы региональных отделений Общества историков-марксистов. В результате, полученные данные, на наш взгляд, будут иметь серьезное значение для определения смысла многих процессов, разворачивавшихся в советской исторической науке на рубеже 1920–1930-х гг. и предопределивших формирование нового облика исследовательской традиции.

¹Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230.

²АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 184. Л. 1 – 7; О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 136.

³АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.

Как мы указывали ранее, развитие сети региональных отделений Общества историков-марксистов начинается на рубеже 1920–1930-х гг., когда данная организация начала процесс «овладения республиканской периферией»⁴. Инициаторами создания отделений чаще всего выступали представители Москвы – члены руководящих структур Общества, совершающие «длительные атаки и концентрированные наступления» на культпропы, истпарты партийных комитетов, кафедры комвузов, вузов и отдельных историков, добиваясь «потоком непрерывных писем и указаний организации отделений»⁵. Причем, далеко не все представители местных партийных и государственных структур с энтузиазмом откликались на подобные «предложения». Как свидетельствовали сами участники событий, случались и «курьезы», когда культпропы отказывали в организации отделений, ссылаясь на занятость, к примеру, на необходимость наладить работу по подготовке к открытию подготовительных отделений Института красной профессуры⁶. Именно поэтому более эффективно было взаимодействие с выпускниками Института красной профессуры или Института истории Коммунистической академии, направленными работать в провинцию и выступавшими там в роли «ядра для формирования марксистских кадров»⁷. Именно по такому сценарию, в частности, осенью 1930 г. региональное отделение Общества историков-марксистов было открыто в Новосибирске, куда ранее были направлены выпускники Комакадемии Городилова и Селезнев, приступившие с помощью представителей местного Истпарта к «сплочению наличных исторических сил»⁸. Помимо Истпарта базой для организации региональных отделений могли стать и местные центры марксоведческой направленности, как это было, в частности, в Казани, где основой будущего Общества стала историческая секция кабинета марксизма⁹. В регионах же, не располагавших подобными институциями, приходилось действовать, опираясь на разрозненные кадры преподавателей средних и высших учебных заведений.

Еще одной задачей, которую приходилось решать вновь открываемым отделениям Общества,

⁴Очередные задачи Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 4.

⁵О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 137.

⁶АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 180. Л. 8.

⁷АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.

⁸О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 139.

⁹АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 122. Л. 99.

являлась ликвидации «конкурентов» – научных обществ, созданных в регионах в 1920-е гг. на волне всплеска интереса к краеведческой тематике. По подсчетам исследователей в 1930 г. в стране действовало 2270 подобных краеведческих организаций, занимавшихся «собираaniem, охраной и изучением археологических, этнографических и исторических памятников» [Очерки истории...: 1966, С. 255]. Создание же сети «филиалов» Общества историков-марксистов сопровождалось закрытием подобных центров, объявленных в условиях «культурной революции» «буржуазными», т.к. в их состав входили преимущественно беспартийные историки, далекие от марксизма. Так, в Перми открытие отделения Общества историков-марксистов сопровождалось ликвидацией ОФИС'а – Общества философских, исторических и социальных наук, а в Казани – роспуском «за ненадобностью» Общества археологии, этнографии и истории [Астафьев: 2011, С. 85]¹.

В целом, ряды региональных отделений Общества историков-марксистов пополнялись преподавателями истории и обществоведения местных педагогических институтов, очных и заочных комвузов, совпартшкол, техникумов и рабфаков. Требования к их квалификации, по просьбе местных советов, надеявшихся привлечь «молодых товарищей, работающих на фронте исторической науки, но не имеющих ни самостоятельных трудов, ни большого стажа работы», по сравнению с Москвой были снижены, особенно в части наличия научных публикаций². Последние, согласно уставу Общества, являлись одним из условий избрания в число его действительных членов³. Однако строгое соблюдение этого правила оказывалось невозможным даже в столице, где соответствовали «научному цензу» и, соответственно, имели печатные труды только 2/3 историков-марксистов⁴. В провинции же число таких было еще ниже, а отсутствие печатных работ далеко не всегда компенсировалось опытом самостоятельной педагогической работы в высших учебных заведениях. В отдельных районах таких просто могло не быть, поэтому в состав создаваемых обществ принимали преподавателей техникумов и даже учителей школ. Но и эти меры оказывались недостаточными для обеспечения устойчивого роста численности отделений, осо-

бенно в тех районах, где ранее не были заложены традиций подготовки исторических кадров. Весьма показательна в данном отношении ситуация, сложившаяся в Иркутске, где вместо открытия самостоятельного отделения пришлось ограничиться созданием исторической секции при марксистском обществе научных работников⁵. Снижая требования к научной квалификации будущих членов, представители региональных отделений Общества историков-марксистов сохраняли «бдительность» в отношении их «политической качественности». Недаром, во многих отделениях преобладали «партийные коммунистические кадры». К примеру, в Вятке таковых насчитывалось порядка 70%: из десяти действительных членов и членов-корреспондентов Общества историков-марксистов пять состояли в партии, а двое являлись кандидатами в члены ВКП (б)⁶. В Перми же этот показатель был еще выше: из тридцати шести членов отделения тридцать состояли в партии, а двое были представителями ВЛКСМ⁷.

Внутренняя структура региональных отделений Общества историков-марксистов в целом соответствовала московскому образцу. Их руководящими органами являлись советы или более компактные бюро, а в роли основных структурных единиц выступали секции, специализирующиеся на изучении истории народов СССР, истории ВКП (б) и Коминтерна, истории империализма, методологии и методики преподавания истории и других темах⁸. Причем, если в Москве организация специализированных секций была вызвана потребностями повышения эффективности работы Общества, столкнувшегося уже в 1926 г. с резким увеличением числа своих членов, то в провинции, нередко, она не имела никакого функционального значения. Так, в Вятке из семи действующих секций четыре насчитывали в своем составе одного члена, остальные – двух-трех⁹. В то же время, далеко не все отделения шли по пути простого копирования московского опыта. В Саратове «малочисленность членов общества» вынудила руководство отделения вовсе отказаться от проектов создания самостоятельных секций, справедливо посчитав их организацию нецелесообразной¹⁰.

Деятельность региональных отделений Общества историков-марксистов должна была про-

¹АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 125. Л. 25 об.; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 122. Л. 99.

²АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 126. Л. 19.

³Устав Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 321.

⁴Покровский М. Н. Очередные задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 3.

⁵АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 121. Л. 14.

⁶АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 4 – 5.

⁷АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 125. Л. 26.

⁸АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 112. Л. 19; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 124. Л. 54.

⁹АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

¹⁰АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 121. Л. 19.

водиться в рамках организации научно-исследовательской, литературно-популяризаторской, массовой и учебно-методической работы. Общий объем задач, поставленных их членами, был довольно велик. Предполагалось проведение научных и научно-популярных докладов, юбилейных мероприятий, приуроченных к годовщинам важнейших революционных событий отечественной и мировой истории, организация научных изысканий по истории края, публикация коллективных и индивидуальных научных трудов, разработка программ и методических рекомендаций для средних и высших учебных заведений, а также участие в подготовке «Истории Гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов» – книжных серий, организованных в начале 1930-х гг. по инициативе М. Горького для популяризации «подлинно» советского «полезного прошлого» [Бранденберг: 2017, С. 78; Журавлев: 1998]. В данном отношении типичен пример архангельского отделения Общества историков-марксистов, намечавшего «следующие объекты и участки работ»: «а) принять участие в юбилее 1905 года...; б) организация серии публичных докладов по историческим темам; в) собрание комиссии по монографическому изучению промышленности; г) разведка архивных материалов Архангельского края; д) организация работы среди педагогов II ступени; е) развертывание работы общества по охвату всех работников исторического фронта (историки техникумов, рабфаков и пр.); ж) создание ячеек действия при КомВУЗ'е, школе профдвижения, парткабинете»¹. Что касается тематики планируемых докладов, то во всех региональных отделениях Общества историков-марксистов в условиях развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг. борьбы с «буржуазными» и «социал-фашистскими» концепциями, а также «правыми и левыми уклонами» в марксистской историографии, на первый план вышли доклады, связанные с информированием «бойцов» о текущем положении на «историческом фронте» или с разоблачением немецких теоретиков, буржуазных ученых или «правых и левых оппортунистов». Так, в региональных отделениях планировалось обсудить (как своими силами, так и с участием приезжих московских коллег) положение на «западно-историческом участке исторического фронта» и «контрреволюционную концепцию Е. В. Тарле», итоги дискуссии по истории «Народной воли», значение письма И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция», троцкизм в вопросах китайской революции, эволюцию взглядов

¹АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 116. Л. 18.

Р. Люксембург и К. Каутского и иные подобные сюжеты².

Однако, как и многие другие советские научные центры того времени, региональные отделения Общества историков-марксистов редко в полном объеме выполняли утвержденные планы работ. Представленные ими отчетные материалы свидетельствуют о постоянных сбоях в реализации стоявших перед ними задач. Причем, особенно страдали научно-исследовательские и издательские проекты, не выполнявшиеся в большинстве отделений. Весьма красноречив в данном отношении пример северокавказского отделения Общества историков-марксистов, не обеспечившего в отведенный срок сдачу статейного материала для местного энциклопедического издания, выход которого, несмотря на его значимость, оказался под угрозой³. В результате, получалось, что основные силы историков-марксистов были брошены на проведение массовых мероприятий – празднование юбилеев первой русской революции и Парижской коммуны, организацию траурных дней после смерти М. Н. Покровского или вечеров воспоминаний о Гражданской войне, а также подготовку «информационных» докладов о «положении на историческом фронте»⁴. Кроме того, в отделениях постепенно разворачивалась работа по обследованию промышленных предприятий края, как с точки зрения изучения практики социалистического строительства, так и с позиции рассмотрения предпосылок Октября⁵. Постановка же широкой научно-исследовательской деятельности в регионах оказывалась просто невозможной. Думается, что этому препятствовали не только объективные причины, связанные с характером формы объединения или кадровым составом их членов, перегруженных педагогической, административной и партийной работой, но и сама обстановка развернувшейся в СССР борьбы «на два фронта», требующая от историков на местах не столько научных достижений, сколько разоблачений «последователей Платонова, Тарле и Петрушевского» в краеведческих организациях⁶.

²См., напр.: АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 124. Л. 74; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 125. Л. 25 об.; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 123. Л. 31 – 32; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 6; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 124. Л. 51 и др.

³О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 139.

⁴См., напр.: АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 7 – 8; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 112. Л. 20; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 125. Л. 26 и др.

⁵См., напр.: АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 7; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 123. Л. 32 и др.

⁶О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 137.

Сказанное в полной мере было характерно и для ячеек содействия – более мелких структурных единиц Общества историков-марксистов, создаваемых наряду с региональными отделениями с целью оказания необходимой информационной помощи членам Общества, особенно в деле изучения развернувшегося в СССР социалистического строительства, в частности, колхозного движения. Первоначально такие ячейки возникали на предприятиях и в учебных заведениях Москвы, однако, в дальнейшем, они стали открываться и в провинциальных центрах. Так, в Вятке, ячейки содействия Обществу историков-марксистов возникли в пединституте и на двух предприятиях города, в Перми – на нескольких заводах, в комвузе и пединституте, в Баку – в Закавказском отделении Института красной профессуры и Азербайджанском государственном научно-исследовательском институте (АзГНИИ), а члены Новосибирского отделения планировали открыть ячейки содействия в Омске, Томске и других городах Западной Сибири¹.

Насколько мы можем судить по имеющимся в нашем распоряжении документам, деятельность ячеек содействия мало чем отличалась от работы региональных отделений Общества историков-марксистов. Формально, они должны были встраиваться в трехчастную структуру «центральное отделение – местные отделения – ячейки содействия», выполняя информационные, вспомогательные функции. Однако, на практике, ячейки ставили перед собой не менее масштабные задачи, чем региональные центры, планируя массовую, научно-исследовательскую и методическую работу, связанную с постановкой докладов, обследованием промышленных предприятий и пересмотром учебной литературы. Весьма показателен в данном отношении пример ячейки содействия, созданной в Москве при Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и объединяющей студентов и преподавателей историко-партийных отделений данного учебного заведения. Согласно первоначальным замыслам, ячейка, включавшая в свой состав пять специализированных секций, должна была провести значительную организационную и научно-исследовательскую работу, обеспечив связь своих членов с историческими журналами, постановку методической деятельности в стенах академии, сбор информации о социалистическом строительстве на одном из московских заводов,

проработку вопросов о текущем положении на «историческом фронте» и т.д. И хотя ни одна из заявленных целей в полной мере не была выполнена, их постановка представляется нам весьма показательной.

Период «экспансионистской политики» Общества историков-марксистов, связанный с развертыванием сети его региональных отделений, оказался недолгим. Уже в 1932 г. деятельность Общества и в столице, и на местах была свернута, хотя формально оно продолжало существовать до 1936 г., т.е. до закрытия Коммунистической академии². Причины столь резких перемен в работе Общества историков-марксистов были различными. С одной стороны, мы признаем справедливость точки зрения современного исследователя В. Н. Данилова, полагающего, что перемены в работе Общества были обусловлены смертью М. Н. Покровского, являвшегося той фигурой, вокруг которой на протяжении многих лет строилась работа этой организации [Данилов: 2016, С. 103]. В то же время, мы полагаем, что куда более важную роль сыграло окончание «культурной революции», приведшее к постепенному закрытию особых «коммунистических» центров, на которые ранее большевиками возлагались большие надежды. На практике подобные институции зачастую не могли приступить к полноценной научной работе и нередко существовали лишь на бумаге. Сказанное во многом справедливо и в отношении Общества историков-марксистов, большинство региональных отделений которого не осуществляло планомерную научную деятельность. Мы полагаем, что само развертывание сети местных центров Общества являлось вариантом осуществления мобилизационной политики в отношении «бойцов исторического фронта», которых предстояло сплотить на борьбу с «внешней угрозой» – «буржуазной» и «социал-фашистской» историографией. В пользу этой гипотезы говорят и обстоятельства открытия многих региональных отделений, и особенности их повседневной работы. Однако мы отдаем себе отчет в том, что подобный тезис нуждается в дальнейшем обосновании и подкреплении новыми фактами.

¹АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 118. Л. 3; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 125. Л. 26; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 117. Л. 19; АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 124. Л. 54.

²О ликвидации Коммунистической академии (Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР) // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, 1922-1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 216–224.

Список литературы

1. Астафьев В. В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 81–85.
2. Бранденберг Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
3. Гришаев О. В. Создание Коммунистической академии и ее роль в развитии исторической науки в советской России в 20-е гг. XX в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 27–33
4. Данилов В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память. 2016. Вып. 13–14. С. 93–103.
5. Дорошенко В. А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 3. С. 10–22.
6. Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 30-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997.
7. Козлов Б. И., Савина Г. А. Коммунистическая академия ЦИК СССР в системе отношений науки и власти (1924–1936 гг.) // Институционализация отношений государства и науки в истории России (XVIII – XX вв.) : сб. статей / под ред. Б. И. Козлова. М.: БФРГТЗ «Слово», 2007. Вып. I. С. 121–148.
8. Козлова Л. А. Институт красной профессуры (1921–1938 годы) : исторический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.
9. Копыцкий З. Ю., Чепко В. В. Историография БССР (эпоха феодализма) : уч. пос. Минск: Издательство «Университетское», 1986.
10. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной и др. М.: Наука, 1966. Т. 4.

Сведения об авторе

Метель Ольга Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, Россия.
olgametel@yandex.ru

Magistra Vitae.
2018. No 1. P. 213–219.

ON THE WAY TO THE “ALL-UNION ORGANIZATION”: THE SOCIETY OF HISTORIANS-MARXISTS IN THE 1930–1932S

O. V. Metel

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. olgametel@yandex.ru

The article studies the process of deploying a network of regional branches of the Society of historians-Marxists. The main sources were the planning and reporting documents of the Society of historians-Marxists and the protocols of the meetings of the regional offices of the this Society. The author claims that often the historians of Moscow took the initiative to open regional centres of the society of historians-Marxists; the members of the regional centers were the teachers of local pedagogical institutes, local communist universities, local technical schools, etc.; the members of the regional centres paid attention to the organization of mass events (presentations, memorial evenings, commemorative and mourning events). The author comes to the conclusion that deploying regional offices of the society of historians-Marxists was caused by the need to mobilize «the men of the historical front» to solve urgent problems: to fight against “right-wing and left-wing bias”, the “bourgeois” historians and “social-fascist” theorists of the II International.

Keywords: *the Society of historians-Marxist, the Communist Academy, the Soviet historiography, the regional historiography, Soviet Marxism, the mobilization policy of bolsheviks.*

References

1. Astaf'ev, V. V. (2011) Obshhestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete i ego unikal'nyj opyt interpretacii istoricheskikh pamjatnikov [The Society of archeology, history and ethnography at the University of Kazan and his unique experience and interpretation of historical monuments], in: *Voprosy muzeologii* [Questions of Museology]. No. 1 (3), pp. 81–85 (in Russ).
2. Brandenberg, D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [The crisis of the Stalinist agitprop: the propaganda, the political education and the terror in the USSR]. Moscow (in Russ).
3. Grishaev, O. V. (2011) Sozdanie Kommunisticheskoj akademii i ee rol' v razvitii istoricheskoi nauki v sovetskoj Rossii v 20-e gg. XX v. [The creation of the Communist Academy and its role in the development of historical science in Soviet Russia in the 1920s. XX century], in: *Vestnik VGU. Seriya: Istorija. Politologija. Sociologija* [Bulletin of the VSU. Series: History. Political science. Sociology]. No. 2, pp. 27–33 (in Russ).
4. Danilov, V. N. (2016) Obshchestvo istorikov-marksistov i istoriki «staroj shkoly» [The Society of the historians-marxists and the historians of the «old school»], in: *Istorija i istoricheskaja pamyat'* [History and historical memory], Issue 13–14, pp. 93–103 (in Russ).
5. Doroshenko, V. A. (1966) Obrazovanie i osnovnye ehapy deyatel'nosti Obshchestva istorikov-marksistov (1925–1932 gg.) [The creation and the main stages of the activity of the Society of the historians-marxists (1925–1932)], in: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya IX. Istorija* [Bulletin of Moscow University. Series IX. History]. No. 3, pp. 10–22 (in Russ).
6. Zhuravlev S. V. (1997) *Fenomen «Istorii fabrik i zavodov»: gor'kovskoe nachinanie v kontekste jepohi 30-h godov* [The Phenomenon of "the History of factories and plants": Gorky initiative in the context of the era 30 years]. Moscow (in Russ).
7. Kozlov B. I. and Savina G. A. Kommunisticheskaja akademija CIK SSSR v sisteme otnoshenij nauki i vlasti (1924–1936 gg.) [The Communist Academy of the Central Executive Committee of USSR in the system of relations of science and power (1924–1936)], in: *Institucionalizacija otnoshenij gosudarstva i nauki v istorii Rossii (XVIII–XX vv.)* [Institutionalization of relations between the state and science in the history of Russia (XVIII - XX centuries). articles]. Moscow, BFRGTZ «Slovo», pp. 121–148 (in Russ)
8. Kozlova L. A. (1994) Institut krasnoj professury (1921–1938 gody): istoricheskij ocherk [The Institute of red professors (1921 – 1938): the historical essay], in: *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1, pp. 96–112 (in Russ).
9. Kopysskij Z. Ju. and Chepko V. V. (1986) *Istoriografija BSSR (jepoha feodalizma)* [Historiography of the BSSR (the feudal era)]. Minsk (in Russ).
10. Nechkina M. V. (Ed.) (1966). *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [The Essays on the history of the historical science in the USSR]. Vol. 4, Moscow, Nauka (in Russ).